

ч. 102. Однако оно с таким же успехом может происходить от казахского *қыз*. Формат *-ым* — аффикс принадлежности 1 л. в тюркских языках. Мы не исключаем большего влияния узбекского языка, но не находим оснований считать его доминирующим, ибо казахи (представители рода канлы) и таджики в Ташкентском оазисе веками жили в контакте. Причем, по историческим данным, две трети населения составляли казахи. Численность узбекского населения увеличилась лишь с превращением Ташкента в столицу Узбекистана. Поэтому мы разделяем мнение кандидата филологических наук Т. Айдарова, высказанное на VII региональной конференции по диалектологии тюркских языков¹⁰³, которая проходила в 1973 г. в г. Алма-Ате о том, что казахский и таджикский языки контактировали непосредственно, а не через узбекский язык, как принято считать. Между прочим, таджикский язык, в свою очередь, оказывает влияние на местный говор казахского языка, где его элементы встречаются чаще, чем в казахском литературном языке. Доцент Ю. Абдувалиев пишет, что в языке узбекистанских казахов помимо лексических элементов, употребляются таджикские словообразующие префиксы и суффиксы¹⁰⁴.

Казахизмы в дунганском языке

Дунгане живут в тесном контакте с казахами и вполне естественно, что многие дунгане в совершенстве владеют казахским языком, а в дунганском языке имеются заимствования. Из 17 тыс. дунган, проживающих в республике, 1036 признают казахский язык родным или вторым. Казахизмы наблюдаются в основном в лексическом составе дунганского языка. В устной речи дунган, как подтвердил в личной беседе дунганин, кандидат филологических наук Махмуд Хаса-

¹⁰² Тагирова К. Т. Таджикские говоры Бастандыкского района..., с. 79.

¹⁰³ См. подробно его статью «Говор лексикасының кейбір мәселелері» («Лениншіл жас», 1973, 17 май).

¹⁰⁴ Абдувалиев Ю. Таджикские словообразующие средства в казахских говорах на территории Узбекской ССР. VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1973, с. 108—109.

нов, бытуют такие казахизмы, как *тамыр* 'друг' (каз. *тамыр*), *чяпан* 'чапан' (каз. *шапан*), *түк* 'ничего' (каз. *түк*), *етиму* 'сирота' (каз. *жетім*) и др. Например: *Та ба жыгә хуа тук мә фә* 'он абсолютно ничего не сказал'; *Та чынха е т и м у л и* 'Он остался сиротой'; *Та чуанлигә ч я п а н* 'Он надел чапан'. Казахи за сообщение радостной вести дают подарок — *шүйінші* или *сүйінші*. Это слово бытует и в дунганском языке в виде *сүйнчи*.

В словарный состав дунганского языка, как утверждает дунгановед Юсуп Цунвазо, вошли также и такие казахские слова, как *жәйлә* (каз. *жайлау*) 'джайляу', *нәсывар* (каз. *насыбай*), *тегі* (каз. *тегі*) в смысле 'вообще говоря' и др. Некоторые слова, войдя в словарный фонд дунганского языка, сохраняют лишь одно из своих значений. Так, слово *нан* вошло в дунганский язык в виде *нон*, но со значением «лепешка», т. е. не всякого хлеба, а только одного из его видов (хлеб по-дунгански *момо*). Как видим, казахизмы в дунганском языке выступают в его фонетическом оформлении. В свою очередь, дунганские слова входят в словарный состав казахского языка. Некоторые из них вошли даже в литературный язык.

Г. М. Мусрепов и С. К. Кенесбаев, подытоживая материалы дискуссии по культуре казахской речи, писали, что нет ничего зазорного, если в литературном языке круглый низкий стол мы назовем как разновидность стола, *жозы*¹⁰⁵. Действительно, *жозы* встречается в языке как диалектизм. Оно вошло в язык местных казахов из дунганского языка (по-дунгански — *жуэзы*). Разумеется, многие слова остаются в разговорной речи местных жителей. Например, слово *борми/порми* 'кукуруза' употребляется только в некоторых восточных говорах казахского языка. Это слово не вошло в литературный язык.

Таким образом, можно констатировать, что дунганско-казахские языковые контакты приводят к взаимному обогащению языков, несмотря на то что языки эти входят в разные языковые группы.

¹⁰⁵ Мусрепов Ф., Кенесбаев І. Сөз талғамы — ерелі ой кепілі. — «Социалистік Қазақстан», 1969, 19 январь.

Взаимодействие корейского¹⁰⁶ и казахского языков представляет интерес не только в лингво-социологическом, но и в описательно-теоретическом, сравнительно-историческом плане¹⁰⁷.

За четыре десятилетия тесного общения корейцев с казахами появилось корейско-казахское двуязычие, которое получает уже массовый характер. Примером тому может служить тот факт, что в республике 535 корейцев казахский язык признают родным или вторым языком. Взаимодействия языков проявились и в появлении заимствований из казахского языка, причем больше в устной речи, меньше в литературном языке.

Казахизмы, вошедшие в корейский язык, связаны с бытом, культурой, историей казахского народа. Мы считаем целесообразным не перечислять их, а показать на конкретном примере казахизмов, как воспринимаются специфические казахские звуки корейцами. Начало заимствований связано, пожалуй, с освоением ими казахских этнонимов, топонимов и собственных имен. Если в 30—40-х гг. произношение казахских слов ими было более «корейзированным», то в последнее время в результате непосредственного контакта корейцев с казахским населением наблюдается тенденция к сохранению звукового облика казахских слов.

Однако, как показывают предварительные наблюдения над казахской речью корейцев и их печатными материалами, замечается явление интерференции на фонологическом и морфологическом уровнях. Например, в области консонантизма можно отметить следующее. В корейском языке нет звука, совпадающего с

¹⁰⁶ Казахи в литературном языке пишут и говорят *корей*, а в устной речи *кэрес* или же *гэрис*, *кэрис*. Корейцы себя называют *чосон*, а название *Корея* происходит от названия одного из королевств — *Когуре*, которое объединило в себе два других королевства. Корейцы свою страну называют *Чосен*, что означает в переводе «Страна утренней свежести». Советские корейцы себя называют *коресарам* букв. 'человек-кореец', что отсутствует в языке корейцев КНДР.

¹⁰⁷ См.: *Хасанов Б.* О сходстве корейского и тюркских языков. — В кн.: *Материалы второй научной конференции молодых ученых АН КазССР.* Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1970.

казахскими звонкими переднеязычными *ж*, *з*, и они передаются приблизительно, а в письме то через *дз*, то через *с*. Название растения *жиде* 'лох' корейский старейший поэт Ким Дюн ввел в корейский текст в виде *дзида*¹⁰⁸. Аналогичное явление наблюдается и в следующих казахизмах корейского языка: казах — *кадзахы*, Казахстан — *Кадзахысытан*, Кызыл-Орда — *Кысыл-Орыда*, казы — *каси*, кумыс/кумыз — *кумыси*.

Поскольку в фонологической системе корейского языка нет фонем, аналогичных казахским звукам *п* и *б*, то они передаются соответственно через *с* и *п*: чабан — *чапан*, бесбармак — *песибармакы*, Уш-Тобе — *Устобе*, Батагоз — *Патагосы*. Если в составе слова встречается казахский увулярный *ң*, то он передается через долгий *кк* (произносится, как русский звук *к*, но с большей силой) курт — *ккурты*, акын — *аккын* и др. Интересно отметить, что звук *н* иногда, хотя имеется в самом корейском языке сходный звук, передается через *нь* (заднеязычный носовой, подобный казахскому *ң*) айран — *айрань*, шайтан — *сайтань*.

Как известно, произведения корейских поэтов и писателей выходят отдельными изданиями, переводятся на языки народов Казахстана. Как в переводах, так и в самих оригиналах встречаются казахизмы. Ким Дюн опубликовал поэму «Алия» на своем родном языке на страницах газеты «Ленин кичи», а потом в переводе на русский¹⁰⁹ и казахский языки¹¹⁰. Интересно, что в переводе на русский язык сохранены как некоторые корейские слова, так и казахизмы:

Мешая русский с казахским,
Женщина говорит нам:
«...Будут на новоселье
Бесбармак и *кукси*... (с. 2)
Разучим мы с вами песни,
Струны *домбры* наладим...
Айран прохладен и сладок
Испейте, отец, *айрана!* (с. 4)

¹⁰⁸ Мелодии Сырдарьи. Алма-Ата, «Жазушы», 1975, с. 55. На кор. яз.

¹⁰⁹ Стихи корейских поэтов Казахстана. Алма-Ата, «Жазушы», 1973. В дальнейшем при цитировании в скобках указывается страница сборника.

¹¹⁰ «Социалистик Қазақстан», 1971, 7 март.

В этой поэме, как и в устной речи местных корейцев, часто встречаются следующие казахизмы: *домб(п)-ура* — каз. *домбыра*, *чэххимени* — каз. *кетмен*, *апаа* — каз. *апа*, *б(п)аурьсажы* — каз. *бауырсақ*, *дастахан* (но пишут: *дасыгарьхан*) — каз. *дастархан*, *отари* — каз. *отар* и др.

Небезинтересно также отметить, что некоторые корейцы, например из колхоза «Ш интернационал», совхоза им. Калинина Кармакчинского района Кызыл-Ординской области, своим детям дают казахские имена, а казахи — корейские. В вышеназванной поэме читаем, что имя девочки-казашки — Морани, а девочки-корейки — Алпия (с. 26). Как нам сообщили, имя казаха Мағзума, проживающего в совхозе «23 партсъезд» Кировского района Талды-Курганской области, — Ким, которое ему дано в честь корейских друзей его родителей.

Таким образом, казахизмы в корейском языке являются результатом повседневного общения казахов и корейцев.

Казахизмы в немецком языке

Большая группа казахизмов представлена в языке казахстанских немцев. В зависимости от тематики употребительность казахизмов в немецких текстах колеблется. В рассказах, очерках, написанных на немецком языке, число казахизмов насчитывается от одного до ста. В рассказе «Дедушка Сергали» Герольда Бельгера¹¹¹, в совершенстве владеющего казахским, немецким, русским языками, более 2600 словоупотреблений, из них около сорока — элементы казахского языка. В тексте, переведенном на немецкий язык «Großvater Sergali»¹¹², более 3000 словоупотреблений, около тридцати из них — элементы казахского языка. Если учесть их повторяемость, то и в русском и в немецком текстах их около ста. Причем они не переводятся слово в слово. Здесь проявляется следствие различной степени контакта живой русской и немецкой языковой среды с казахской. В обоих случаях казахизмы использованы

¹¹¹ Бельгер Г. Сосновый дом, с. 54—61.

¹¹² «Fr.», 1973, 20 Okt.

по-разному: одни без объяснений, другие с объяснением в тексте, третьи объясняются в сноске.

Писатель описывает казахский аул, который, как известно, отличается от русской деревни и от немецкого (das) Dorf. Поэтому *аул* употреблен как слово-реалия. В русском оригинале от слова *аул* образованы слова: *аульные*, *аульный*, *аулчан*, а в немецком тексте мы видим *Aulneuigkeiten* 'аульные новости', *Aulschule* 'аульная школа', *Auljunge* 'аульный мальчишка'. Слово *ауыл* в немецком языке употребляется довольно часто. Например: *Im entlegenen Aul Karakestek, der im Vorgebirge des Alatau liegt, ist Viktor Karpowitsch Ditzel ein sehr geehrter Mann*¹¹³. 'В отдаленном *ауле* Каракестек, который расположен в предгорьях Алатау, Виктор Карпович Дитцель, очень уважаемый человек'; *Achmetka war eine Waise aus dem Aul Tirektschi*¹¹⁴ 'Ахметка был сиротой из аула Тирекчи'; *Wie ein Lasso lag der Aul*¹¹⁵ 'Как лассо (аркан) лежал аул...' Слово *аул* во всех текстах употребляется в мужском роде.

Очень употребительны в немецких текстах казахские слова *аға*, *ата*, *апа*, *ақсақал*, *жайлау*, *жігіт*. Слово *Aksakal* часто встречается и на страницах Московской газеты «Neues Leben».

В вышеназванном рассказе Г. Бельгера очень часто встречается слово *ата*. Любопытно, что в русском тексте оно употреблено всего 4 раза, а в немецком — 24.

В зависимости от тематики текста казахизмы *джигит*, *аксакал* стали употребляться в местной немецкой речи подобно своим, исконно немецким словам. Особенно часто встречаются они в переводах произведений казахских авторов (переводы осуществлены немцами): *Auf dem Ehrenplatz saß ein Aksakal*. 'На почетном месте сидел аксакал'; *Der Dshigit war damals im achten Lebensjahr* 'Джигиту тогда было 8 лет'; *jetzt jedoch sitzt der schweigend auf dem Schoß des Aksakals* 'Теперь он сидит молча на коленях аксакала' («Fr.», 1974, 7 Mai);

¹¹³ Mussin M. Dshigit Viktor Ditzel. — «Fr.», 1974, 7 Mai.

¹¹⁴ Samuel K. Achmetka. — «Fr.», 1972, 9 Dez.

¹¹⁵ «Fr.», 1974, 5 Okt.